

«лжемудрие» как результат действия страстей. Истинная мудрость в глазах Прокоповича — это торжество разума, ложная — торжество страстей. Разъясняя свое понимание ереси, Феофан пишет: «Сие бо рождается от разных страстей и похотей, не просвещающих, но помрачающих разум, например: един желает быти автором или изобретателем некоего учения, есть то похоть гордости...; другой, что первое похвалил, хотя после и покажут ему ясно, что то ложное, но отстати стыдится, а к сему наущает дщерь гордости жестокосердие или упрямство... Иный же, ненавидя кого или кому завидя, все, что тот произносит, сей отвергает и, хотя ведает, что учение его прямое, да тщится опровергнути, яко ложное: иногда готов был сам то ж говорити, да понеже заговорил другой, отменяет. Ведомое се желчной ярости и зависти действие... Кто же zde не видит и крайней дурости? не хочет бо таковой быти в небе, для того что туды идет тот, кого он не любит. От таковых и других страстей рождаются богопротивная суемудрия, и в головах остроумных и учении просвещенных. Что же речем о человецех тупых, грубых и необученных?» (II, 244—245).

Человек, владеющий знаниями, для Прокоповича далеко не всегда может быть признан истинно мудрым. Это условие необходимо, но недостаточно: важно еще уметь покорять страсти разуму; разум же повелевает неукоснительно следовать долгу.

Традиционный жанр проповеди был принципиально обновлен Прокоповичем прежде всего именно потому, что у него изменились основные этические критерии: прежние нравственные идеалы были отвергнуты и вместо них появились новые. Раньше проповедник призывал слушателей выполнять свой христианский долг (долг перед церковью), теперь на первое место выдвигался долг гражданский (долг перед государством). С одной стороны, это означало отчасти освобождение человека от жестких уз церковной морали. Рассуждая о необходимости стремиться к вечному блаженству в царстве божием, Феофан решительно заявляет: «Не токмо же не запрещает бог временная праведно стяжавати, но и повелевает» (II, 213). В собственной жизненной практике Феофан, как известно, довольно энергично и успешно «стяжал временная», преследуя вполне земные интересы. Но, с другой стороны, Прокопович настойчиво отстаивает идею служения государству, идею по-новому понятого долга. Правда, Феофан не мог обойтись без ссылки на «божие смотрение» и волю бога, но он обращался к божественному авторитету прежде всего для того, чтобы утвердить в глазах верующих первостепенную роль гражданской деятельности. Показателен в этом отношении пример, приводимый в «Слове в день святого благоверного князя Александра Невского» (1718), где осуждается «неистовство тех, котории мнятся угождати богу, когда оставя дело свое, иное, чего не должны, делают»: «Судия, на пример, когда суда его ждут